

Он чувствовал, что его противник ничуть не лучше его самого. Если он сможет продержаться, то... возможно... не проиграет.

...

В просторной старинной комнате, стены которой были увешаны талисманами, худой старик в синем одеянии с трудом выплюнул кровь. Его глаза были прикрыты красной тканью, под которой кожа была сухой, как кора дерева. После этого он выглядел так, словно был на грани смерти.

Чжао Сянляо никак не ожидал, что на финальном этапе его плана появится такой талантливый противник. Молодой, но проницательный. Это был не первый раз, когда он получал ранения в магическом поединке, но с возрастом его тело все хуже переносило такие испытания, так как это быстро истощало оставшуюся жизненную энергию.

«Проклятье!»

Неужели он думает, что я ничего не могу с ним сделать? Какой-то зеленый юнец осмеливается препятствовать клану Чжао?

Он повернул голову и хриплым голосом приказал человеку за дверью:

— Чтобы разобраться с Цзян Хэном, приведи мне десять живых людей.

Чжао Лэ, ожидавший за дверью, поспешно ответил:

— Слушаюсь.

Вскоре десять слуг были приведены. Согнувшись в поклоне, он почтительно сказал:

— Прадед, десять живых людей доставлены.

Приведенные слуги дрожали, молясь, чтобы их худшие опасения не сбылись. Однако хриплый голос из-за двери разрушил их надежды:

— Отрубите им головы и бросьте внутрь.

Услышав это, слуги в ужасе попытались бежать, но как они могли спастись? В одно мгновение их головы отделились от тел, и меч выскользнул из ровных срезов на шеях. Дверь открылась, и головы были брошены внутрь, покотившись по полу с открытыми глазами.

Из алтаря перед стариком протянулись гнилые руки призрака, которые схватили головы одну за другой. Затем свет в центре алтаря стал еще краснее.

Ухмыляясь, Чжао Сянляо активировал алтарь.

Далеко за тысячу ли Чу Юньцю вдруг закричала от невыносимой боли. На мгновение она пришла в себя, но в следующий момент ее глаза почернели, и в каждом из них появился дополнительный зрачок, создавая двойные зрачки.

Ее руки внезапно исказились и удлинились, а на ногтях появились злоеющие проклятия.

Цзян Яо, хоть и среагировал быстро, успел уклониться лишь от удара в сердце. Его правое плечо было пронзено рукой Чу Юньцю.

Невыносимая боль!

Не раздумывая, он ударил ногой, отбросив Чу Юньцю. Кровь хлынула из его плеча, быстро пропитывая рукав. Несмотря на адскую боль, он лишь сдавленно крикнул, отступив на два шага и упершись ногой в курительницу с благовониями, не издав ни звука.

Он знал, что за дверью его родные волнуются за него, как и его учитель, хотя его болтовня действительно могла свести с ума.

Если бы он закричал... они бы... очень переживали.

— Ученик!! Ученик!!

Услышав звук пробитой плоти, старый даос дрожащим голосом закричал:

— Как ты? Хватит! Не продолжай! Погаси благовония! Хватит!

Спасибо, что дверь была звукоизолированной, иначе они бы ворвались внутрь.

Цзян Яо смутно думал об этом.

Потеря крови затуманила его сознание. Он закусил язык, стараясь сохранить ясность ума, и левой рукой потянул красную нить, пытаясь контролировать Чу Юньцю, одержимую всееляющимся духом скорби. Но теперь Чу Юньцю была невероятно свирепа, ее тело быстро раздувалось, обнажая облик злобного духа, и Цзян Яо больше не мог ее контролировать.

Злобный дух широко раскрыл пасть перед Цзян Яо.

Цзян Яо почувствовал зловонный запах крови в воздухе, но его глаза были закрыты красной тканью, и он ничего не видел, лишь осознавал, что, похоже, не сможет избежать этого.

Может, лучше умереть вместе... — Он протянул руку и медленно прижал ее к бьющемуся сердцу.

Он ни за что не позволит кому-либо причинить вред своей семье. Он знал, что они... действительно любили его, и он... тоже заботился о них.

Просто время разлуки было слишком долгим, и каждый из них нес слишком много вины и сожалений... они... не могли нормально общаться друг с другом... вот и все.

Пламя благовонных свечей дрогнуло и внезапно погасло.

...Что-то... начало вылезать из-под ног Цзян Яо. Одна красная нить, две, три... бесчисленное множество красных нитей... густо вылезли из-под его ступней, сгруппировавшись за его спиной. Подол одежды злобного духа опустился, закрывая кровавые туфли. Он прижался спиной к Цзян Яо и медленно шагнул вперед.

Движения злобного духа словно замерли. Его фигура, заполнявшая половину комнаты, раздулась, как воздушный шар, но больше не могла увеличиваться. Двойные зрачки с трудом повернулись вниз, отражая ужасающую кровавую фигуру.

Алый рукав поднялся, обнажив бледную руку. Легким движением бесчисленные красные нити, или, точнее, кровавые нити, пронзили тело злобного духа.

Злобный дух выразил муку на лице, пытаясь сопротивляться, но не мог пошевелиться, даже звука не издавая. В то время как его двойные зрачки судорожно дрожали, его тело становилось все меньше и меньше, пока, наконец, в выражении злобной ненависти, он не превратился обратно в Чу Юньцю. И тогда... кровавые нити не оставили его, жестоко вырвав из тела Чу Юньцю и бесшумно расчленив и поглотив его.

Чу Юньцю упала на пол, дыхание ее было едва заметным.

Бесчисленные кровавые нити вернулись в руку злобного духа. Его кровавая фата слегка заколебалась. Он схватил остатки ци обиды в воздухе, словно что-то ощущая, и ужасные проклятия распространились от него, обходя Цзян Яо и устремляясь в определенное место в воздухе.

— Э-э... э!

Тысячу ли от него худой старик, объединивший злобного духа с лютым призраком, внезапно расширил зрачки, словно увидев что-то невероятно ужасное.

Его тело словно высохло, а затем что-то влилось в него, быстро сжав, а затем раздув.

— Нет... нет...

Он хрипло и мучительно кричал.

— Нет!

В невыносимой боли его тело раздулось до нечеловеческих размеров.

С громким хлопком кровь и куски мяса разлетелись по стенам и окнам, стекая по стенам и подоконникам.

Цзян Яо, с красной тканью на глазах, лишь смутно почувствовал, что в комнате появилось что-то. Его восприятие было нарушено болью и внезапным появлением злобного духа, но он все же ощутил знакомый, но необъяснимый запах, протянув руку вперед, но ничего не схватил.

Голос учителя все еще кричал в телефоне.

Где же дух?

Цзян Яо был в замешательстве.

Все, что он чувствовал ранее, словно исчезло в одно мгновение, включая мутное, злое, старое присутствие.

Не зная, что происходит, Цзян Яо не решался вынуть свое сердце, но... вокруг было слишком тихо, настолько тихо, что не было слышно ни звука. Вдруг красная нить в его руке дернулась. Думая, что лютый призрак активировался, Цзян Яо напряг спину, готовясь уклониться, но что-то схватило его руку. Он скривился от боли, протянув руку, чтобы схватить, но уловил лишь быстро скользнувший сквозь пальцы край одежды.

Все снова стало тихо. Он ждал и ждал, но, в конце концов, не выдержал и, преодолевая боль в плече, шагнул вперед, пытаясь нащупать что-либо.

Ничего.

Пока его нога не наткнулась на что-то. Цзян Яо присел и осторожно потрогал.

Это была Чу Юньцю, живая.

Все закончилось?

Он медленно вернулся к курильнице, погасил благовония и левой рукой снял красную ткань с глаз, посмотрев вперед.

В полумраке ранее установленный алтарь был разрушен до неузнаваемости, благовонные свечи погасли неизвестно когда. Чу Юньцю лежала в центре алтаря, и от нее больше не исходила зловещая аура.

<http://bllate.org/book/15571/1386138>